

Классика
в школе и дома

Александр Иванович
Куприн

Белый пудель

Москва

2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К92

Иллюстрации *Николая Устинова*

Оформление серии «Уютная классика»
Натальи Ярусовой

Куприн, Александр Иванович.
К92 Белый пудель / Александр Куприн. — Москва : Эксмо, 2022. — 224 с.: ил.

ISBN 978-5-04-161506-2 (Уютная классика)

ISBN 978-5-04-161121-7 (Хорошие книги в школе
и дома (Внеклассное чтение))

Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьтесь от длительных поисков и невыполненных уроков. В книгу включены рассказы А. И. Куприна, которые изучают в младшей, средней школе и старших классах. Произведения Куприна учат человечности, искренности, верности, честности, способности сопереживать и ценить друг друга.

Книгу открывает вступительное слово Инны Кабыш «Мой Куприн», написанное специально для этого издания.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161506-2
ISBN 978-5-04-161121-7

© Кабыш И.А., предисловие, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

МОЙ КУПРИН

Марина Цветаева в эссе «Мой Пушкин» писала, что Пушкин ей, ребёнку, явился как «огромный сине-лиловый том». Мне в детстве Куприн явился как белый трёхтомник. Это был «мой Куприн». И первое, что я, десятилетней девочкой, узнала о «моём Куприне», было то, что у него с мясом вырвали пуговицу, а его самого высекли розгами.

Дело было так. Когда Буланин попал в кадетский корпус, где провожавшая его мать говорила какому-то начальнику: «Уж вы, пожалуйста, с ним не по всей строгости, он у меня такой нежный... такой впечатлительный... он совсем на других мальчиков не похож», я сразу поняла, что Буланин — это Куприн.

И когда один из старших кадетов в первый же день вырвал у Буланина с мясом пуговицу, так старательно, «двойной провощённой ниткой», пришитую мамой, я расплакалась. Вытерев слёзы, я стала читать дальше и, когда дошла до места, где Буланина приговорили к телесному наказанию в размере десяти ударов розгами и он в «маленьком масштабе испытал всё, что

чувствует преступник, приговорённый к смертной казни», твёрдо решила прочитать всё, что написал Буланин-Куприн, и как можно больше узнать о нём самом.

И узнала, что родился он 26 августа, в годовщину Бородинского сражения, и был назван в честь Александра Невского (то-то, кадет, юнкер, поручик, он станет защитником Отечества на разных этапах истории). Родился в уездном городишке Пензенской губернии Наровчат, о котором шутили: «Наровчат, одни колышки торчат».

Его отец, Иван Иванович Куприн, был классическим «маленьким человеком», мать же, Любовь Алексеевна Колунчакова, напротив, княжеских, восточных кровей. В 33 года она станет вдовой, а годовалый Саша — безотцовщиной. В ближайшие двадцать лет Саша в полной мере почувствует себя сиротой. Особенно остро во Вдовьем доме (в Москве, на Кудринской площади), куда будет приходиться к матери: «Меня заставляли целовать ручки у благодетелей, — у мужчин и у женщин... Прислуга втихомолку издевалась над нами: дразнила меня горбатым... а мою мать называла приживалкой и салоппницей». (Я тоже в детстве потеряла отца, соседка презрительно называла меня «безотцовщиной», и я знаю, как это больно.)

За первый рассказ «Последний дебют», опубликованный 3 декабря 1889 года, юнкера Куприна посадили на гауптвахту. Он потом жалел, что не выпороли: может, тогда он бросил бы писать, ибо «нет горше хлеба на свете», чем пи-

сательский. Но не выпороли — и в литературе явилось новое имя: Куприн.

Всероссийскую — и даже мировую — славу Куприну принесла повесть «Поединок». Её основой послужил опыт службы Куприна в сорок шестом Днепровском пехотном полку. В этой повести, написанной в год поражения России в Японской войне и в год первой русской революции, Куприн, что называется, попал в нерв событий.

Перед глазами главного героя повести Ромашиова (и читателей) проходит вереница, чтобы не сказать галерея, образов офицеров — невежественных, грубых, жестоких. Куприн впервые в русской литературе показал русскую армию изнутри. И русскому читателю стало понятно, почему эта армия потерпела поражение. Одни офицеры, прочитавшие книгу, предали Куприна анафеме, другие, узнав в её героях себя, придумались. Генерал Пётр Краснов писал Куприну: «...тогда я понял, что многое блесит у нас не золотом, а позолотой, и со всею силою молодого организма я принялся за работу, чтобы исправить те прорехи, на которые Вы указали со всею силою Вашего таланта». А некто Князев в памфлете 1918 года «Красный трибунал. Процесс первый. Дело А. Куприна» заявлял: «Февральский переворот был совершён сказочно — легко и безболезненно благодаря повести Куприна «Поединок».

Сам же Куприн в 1926 году каялся: «...никогда не следует писать ничего, что выставляет вашу родину в плохом свете... Всё в ней (повести

«Поединок». — *И.К.*) было верно, но я был не прав».

Что же это за книга — «Поединок»? Помнится, когда я прочла её в том самом белом трёхтомнике, я вычитала совсем другое. Может, эта книга и была об армии, но я узнала об ином поединке. О женской жестокости. Коварстве. Цинизме.

Шурочка Николаева, несмотря на свою красоту и образованность, оказалась хуже самого последнего офицера-мужчины. И если кому-то эта книга объяснила исход Русско-японской войны и начало Февральской революции, то мне — вечное противостояние между мужчиной и женщиной.

Мой Куприн был не только военным. Он сам набросал краткий перечень своих профессий. Он был «репортёром,

управляющим при постройке дома,
разводил табак — махорку-серебрянку
в Волынской губернии,
служил в технической конторе,
был псаломщиком,
служил на сцене,
изучал зубоврачебное искусство — исключительно протезную технику (изготовление искусственных зубов),
давал уроки детям,
пробовал постричься в монахи,

был заведующим учёта кузницы и столярной мастерской при сталелитейном и рельсопрокатном заводе в Волынцеве,

в течение одного лета служил в артели подрядчика в Киеве по переноске мебели фирмы Лоскутова,

носил кирпич на козе,

работал осенью на разгрузке арбузов».

К. Чуковский, хорошо знавший Куприна, писал: «Вечно его мучила жажда исследовать и понять, изучить, как живут и работают люди всевозможных профессий...» И, добавим, не только люди.

Герой Куприна Платонов из повести «Яма», который уж точно является alter ego автора, заявляет: «...я хотел бы на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой или побыть женщиной и испытать роды...» Но Куприн был не только любознательным, но и отважным: он поднимался на воздушном шаре и опускался в скафандре на дно моря. И это в начале прошлого века!

В том самом белом трёхтомнике были у меня две любимые трилогии: о чудесах («Белый пудель», «Чудесный доктор», «Слон») и о любви («Олеся», «Суламифь», «Гранатовый браслет»).

Ведь о чём ином рассказ «Белый пудель», где полунищий старик отказывается продать собаку, а мальчик-сирота, рискуя жизнью, эту собаку спасает, как не о величайшем чуде нашей жизни — дружбе? А «Чудесный доктор», где

доктор Пирогов совершает настоящее чудо — спасая целую семью от болезни и голода — чудо милосердия? А рассказ «Слон»? Там отец своими руками делает для больной дочери чудо — приводит к ней, болеющей равнодушием к жизни, живого слона. И девочка исцеляется. (Этот рассказ для меня перекликается с «Алыми парусами», где герой тоже совершает рукотворное чудо: оснащает корабль алыми парусами, которых так ждёт Ассоль).

Куприн не объединял свои рассказы в трилогии — так уж получилось. И первая повесть в трилогии о любви — «Олеся» (1898 год). О любви «паныча» и «колдуньи». О двух мирах, которым не дано сойтись, ибо мир Ивана Тимофеевича, цивилизованный христианский мир, оказывается жестоким и бездушным. Когда Олеся приходит в церковь, христиане решают вымазать её дёгтем, а когда она бежит, «вслед ей вместе с бранью, хохотом и улюлюканьем» летят камни. Понимая, что не сможет дать счастья любимому, Олеся исчезает из его жизни, оставив после себя «нитку дешёвых красных бус» (как порез на сердце) на память о своей «нежной, великодушной любви».

Второй текст — рассказ «Суламифь» (1907), обработка библейской «Песни песней», о любви величайшего из царей Соломона и простой девушки из виноградника. (Рассказ написан во время душевного подъёма, связанного с женщиной, ставшей второй женой Куприна, Елизаветой Морицовой). Максим Горький удивлялся, зачем Куприну понадобилось писать «Сула-

мифь», если есть «Песнь песней». Но библейский текст при всей своей поэтичности лишён психологии любви и ревности, в нём как бы нет плоти и крови, звуков и запахов — всего того, что есть у Куприна. Я, будучи пятиклассницей, читавшей первоисточник (мой дед был пастором), рыдала именно над «Суламифью».

Ну и наконец, третий текст — «Гранатовый браслет» (1911), который можно было бы назвать «жемчужиной», если бы это не звучало парадоксально. На этот раз Горький, что называется, проникся. Прочитав на Капри рассказ Куприна, он ликовал: «А какая превосходная вещь «Гранатовый браслет» Куприна!.. Чудесно! И я — рад, я с праздником! Начинается хорошая литература!»

Говоря о «Гранатовом браслете», спорят о прототипах. Сам Куприн писал: «Это... печальная история маленького телеграфного чиновника К. П. Жолтикова, который был так безнадежно, трогательно и самоотверженно влюблён в жену Любимова». У Любимовых, бывших родственниками его первой жены Марии Карловны, Куприн увидел юмористический альбом и услышал историю о человеке, который несколько лет преследовал Людмилу Ивановну Любимову. Любимовы считали его психически больным. У Куприна же «маленький» человек, восемь лет «безмолвно, безнадежно» любивший женщину не своего круга и по первому требованию прекративший — вместе с жизнью — свои ухаживания, превращается в «великого»: княгиня Вера, посетившая самоубийцу, замечает на его лице

«глубокую и сладкую тайну» и вспоминает, что подобное выражение видела на посмертных масках Пушкина и Наполеона.

Но вернусь к жизни «моего Куприна». На его долю выпало многое, в том числе Октябрьская революция 1917 года. Как чувствовал себя Куприн «под большевиками»? «Я признаю советскую власть, — писал он. — Но если меня дружелюбно и пытливо спросят, уважаю ли я эту власть... в глазах моих никто не прочтёт стыдливого признания». Новая власть не расстреляла бывшего юнкера Куприна — она убила его любимую собаку Сапсана. Когда Сапсан пропал, Куприн вспомнил свой конфликт с красноармейцами и... помчался на свалку. Разгрёб руками снег и, увидев труп друга с простреленной головой, разрыдался.

Впрочем, когда в 1919 году Куприн ушёл с белогвардейцами — по сути, героями своего «Поединка», — он не стал счастливее. Куприн страшно скучал по родине — и в Финляндии, и в Париже. («Чем талантливее человек, тем труднее ему без Родины», — писал он в одном из писем.)

А любимого кота Куприна, Ю-ю, бывшего другом его парижского дома, в конце 1931 года кто-то убьёт камнем. (Как тут не вспомнить пушкинское:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.)

Куприн прожил в Париже 17 лет. Эмиграция его не любила, ибо видела, что ненависти к Со-

ветской России у него нет. Да и как у Куприна могла быть ненависть — к России?

Диву даёшься, что в эмиграции, в возрасте 58 лет, Куприн напишет такую русскую, такую молодую вещь, как «Юнкера». Где главный герой Александров «твёрдо решил дожить только до тридцати лет, а потом застрелиться», ибо «стоит ли продолжать жить древним старцем, хладеющей развалиной». Где «запах снега так вкусен, мороз так весел, быстрое движение так упорно гонит горячую кровь по всему телу».

Куприн должен был вернуться в Россию — и вернулся. Эмигрантка Тэффи писала: «Его уход — не политический шаг... Не к ним он ушёл, а от нас, потому что ему здесь места не было. Ушёл, как благородный зверь, — умирать в свою берлогу». Куприн ехал на родину умирать.

Помимо слепоты, поразившей Куприна в последние годы жизни, врачи определили у него склероз мозга и сердца.

«Я бы, кажется, если бы мог, пошёл бы в Россию по шпалам...»

«— Как же вы поедете, Александр Иванович? Ведь там большевики.

— Разве в России большевики?»

На дворе стоял 1937 год, и у Родины были на Куприна планы. Гослитиздат выпустил двухтомник писателя. Его рассказ «Тень Наполеона» был напечатан в советском журнале «Огонёк». Самому писателю предоставили четырёхкомнатную квартиру в «Доме специалистов». Плиту

здесь нужно было топить дровами, и, глядя на огонь, Куприн говорил: «Какая прелесть! Своя печка, свой огонь, и дрова трещат так, как они умеют трещать только в России!»

Вернувшийся в Россию Куприн радовался: «Мне пишут сейчас люди, которых я совершенно не знал раньше; пишут они с такой сердечностью и теплотой, точно мы давнишние друзья». И признавался: «Даже цветы на родине пахнут по-иному...» Куприн мечтал писать «для чудесной советской молодёжи и пленительной советской детворы», оговариваясь: «позволит ли мне здоровье». Здоровье не позволило.

В ночь на 25 августа 1938 года, за день до 68-летия, Александра Ивановича не стало. Он умер на родине. Как и хотел.

...Я думаю, что он, на этом свете поднимавшийся на воздушном шаре и опускавшийся в скафандре, наверняка задумывался о том, есть ли тот свет и что будет с человеком за гробом.

Теперь он знает и это.

Инна Кабыш

КУСТ СИРЕНИ

Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, в фуражке прошёл в свой кабинет. Жена, как только увидела его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье... Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами...

Алмазов, молодой небогатый офицер, слушал лекции в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съёмку местности...

До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили... Начать с того, что самое поступление в акаде-